

Н.В. МОТРОШИЛОВА.
ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО В ЭПОХУ
ГЛОБАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ. – М.: Канон+, 2010. – 480 с.

А.М. МАЛЕР

Книга историка западной и российской философии, доктора философских наук, заведующей отделом историко-философских исследований Н.В. Мотрошиловой «Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов» представляет собой систематическое исследование сложнейшего понятия цивилизации и его сущностных свойств, а также такого антонима этого понятия, как «варварство», применяемого автором к глобальным реалиям сегодняшнего дня. Именно в этой реактуализации понятия варварства состоит, пожалуй, один из главных концептуальных вызовов книги Н.В. Мотрошиловой. Введенные в науку Л.Г. Морганом (1877) категории дикости и варварства как собирательные обозначения двух эпох в истории человечества, предшествующих цивилизации, становятся актуальными для начала XXI в., когда сама цивилизация, казалось бы, достигла апогея своего материально-технического развития. Однако значимость исследования Н.В. Мотрошиловой состоит далеко не только в актуализации понятия варварства. Продолжая в целом гуманистическую традицию новоевропейской мысли, что в наше «постгуманистическое» время уже требует определенной смелости, Н.В. Мотрошилова не разделяет свойственного этой мысли наивного прогрессистского оптимизма и предлагает трезво оценить глобальный ценностный кризис современной цивилизации. Таким образом, эта книга пролагает дорогу между двумя крайностями современной социальной мысли – наивной или циничной версии либерального глобализма, с одной стороны, и, также наивной или циничной, версии антилиберального изоляционизма, особенно модного в сегодняшней России, – с другой. Стоит ли говорить, что только на этой, срединной дороге могут найти общий язык наиболее конструктивные социальные силы нашего времени, заинтересованные в дальнейшем существовании человечества и способные критически оценить его реальное состояние.

Определяя понятие цивилизации, имеющее центральное значение для всего исследования, автор предлагает, прежде всего, такой его критерий, как «возрастающее значение» «социально-исторических регулятивов», их надстраивание над «природно-биологическими факторами» (С. 22). Действительно, именно цивилизованность отличает человека от животного, и в этом смысле степень человечности человека равна степени его цивилизованности – не только как способности к порождению и обладанию «второй природой», но и как ориентации на сверхбиологические ценности, выводящие человеческую особь за горизонт индивидуального выживания. На практике это означает переход от принуждения к свободе. «Коренная функция человеческой цивилизации, – пишет автор, – состоит в обеспечении все более свободных, ненасильственных, добровольных

форм совместного бытия индивидов и их свободно же формирующихся объединений» (С. 33). Ориентация на «социально-исторические регулятивы» лишь тогда фактически и в конечном счете обеспечивает процесс цивилизования, когда осуществляется постоянное поддержание и развитие соответствующих форм, действий, механизмов. И любой существенный сбой в этом процессе неизбежно ведет к реанимации варварских начал, которые никогда не заставляют себя ждать, – ведь «само собой» никакое развитие от животного к человеческому невозможно. Поэтому кризис общечеловеческих ценностей, размывание нормативов, правил общежития, какими бы причинами они ни были вызваны, незамедлительно ведут к девальвации самого человеческого состояния, восстанавливать которое очень сложно. При этом, если раньше проявления варварства могли угрожать жизни отдельных государств и народов, как это было с Западной Римской империей, то в эпоху распространения оружия массового уничтожения, ядерного в первую очередь, эскалация варварства может привести к гибели всего человечества, что придает этой опасности историческую уникальность и делает разговор на эту тему особенно тревожным.

В философском контексте необходимо подчеркнуть, что тенденции варваризации неизбежно носят антиинтеллектуалистский характер, и даже если они оправдываются интеллектуальным путем, то это оправдание направлено на разрушение ценностей разума как сущностной составляющей человеческой личности. Н.В. Мотрошилова очень точно отмечает глубинную связь процесса цивилизации и специфической для человеческого вида интеллектуальной деятельности, способной возводить обобщающие представления в общие понятия: «Культурная, духовно-нравственная компонента цивилизации – это деятельность по созданию всеобщих идеальных образцов (по-гречески – парадигм) предметной деятельности и норм, принципов человеческого общежития и общения» (С. 39); «Идеи, ценности, смыслы начинают вести самостоятельную жизнь – и никакой тут нет идеалистической мистики. Сфера такого их бытия есть культура» (С. 40). Поскольку кризис универсальных ценностей неизбежно требует пересмотра их концептуального содержания и исторических возможностей применения, то в преодолении этого кризиса важна работа философа. И поэтому абстрактные, казалось бы, рассуждения мыслителей прошлого на темы разума, здравого смысла, рассудка, приходится вспоминать именно сегодня. В этой связи Н.В. Мотрошилова берет на себя существенную для нашего времени задачу защитить ценности разума перед лицом его критики, часто скрывающейся за якобы утонченными аргументами. Особенно это касается популярного упрека, будто восхваления разума непосредственно порождают рационалистические утопии Нового времени, необоснованность которых автор книги подробно разбирает, приходя при этом к справедливому выводу: «...одна из предпосылок диктаторской, тоталитаристской власти – это как раз не культивирование здравого разума, не опора на его универсальные ценности, не просвещение в глубоком и широком

смысле этого слова, не формирование рациональных способностей индивида, а массовое оглушение, поощрение различных форм социальной мифологии и демагогии, одним словом, никак не избыток, а острый дефицит разума» (С. 362). Стоит отметить, что сегодня, когда нападки на новоевропейскую ценность разума в «философствующей» публицистике стали общим местом, такая позиция выглядит не меньшим вызовом, чем актуализация понятия варварства.

Актуальность рассматриваемого исследования Н.В. Мотрошиловой связана не только с поставленной философской проблемой, но и с ее детальной проработкой на актуальном материале общеевропейской и российской действительности. Вопрос о конфликте цивилизации и нового варварства, естественно, ведет к обсуждению проблем Единой Европы и кризиса «классических ценностей европейского сознания», а также к новой проработке проблемы становления гражданского общества, понятие которого имеет общий корень с понятием цивилизации (от лат. «civitas» — город) (С. 398). В этом плане идеи «города», «цивилизации» и «гражданского общества», сущностно сходятся в том, что выражают стремление человека к преодолению зависимости лишь от природы и подчинению своей жизни надбиологическим регулятивам. Позволю себе также заметить, что исторический генезис европейской цивилизации, неотъемлемой частью которой является Россия, свидетельствует о том, что именно Европа осознала себя как цивилизацию *par excellence*, и поэтому не стоит удивляться тому, что во всем мире соответствующие идеи «цивизованности» или «гражданского общества» до сих пор воспринимаются многими как незаконная экстраполяция специфического европейского опыта на другие страны и континенты, а в худшем случае — как геополитическая экспансия этой цивилизации.

Люди, говорящие или пишущие как бы от имени «европейского опыта», нередко отвечают на это неприятие той или иной крайностью, — впадая либо в горделивый паневропеизм, либо, наоборот, в полное отрицание исторических преимуществ европейской цивилизации. И тот, и другой путь равно неприемлемы, и в крайних формах, например, расистских, чреватые тем самым варварством, которое остается прямым антонимом цивилизации. Н.В. Мотрошилова утверждает: «История человечества, несомненно, заключает в себе объективную тенденцию постепенного, противоречивого, трудного движения к единению на основе свободы» (С. 256). Какие-то из народов или регионов мира встают на путь единения раньше других. Главное — удержать эту свободу, поскольку утратить ее можно в любой поворотный момент истории. Если Э. Ренан (1882) сказал, что нация — это ежедневный плебисцит, то можно сказать, что цивилизация — это ежедневное преодоление варварства.

Проблемы и вызовы, о которых идет речь в обсуждаемой книге, столь важны и остры, что дискуссию вокруг них автор и ее читатели продолжают после выхода книги. Например, в последнее время Н.В. Мотрошилова обратилась также и к проблеме природных задатков человеческого вида, к вопросу об объективных антропологических причинах становления ци-

вилизации и рецидивов варварства. Эта тематика раскрывается в диалоге Н.В. Мотрошиловой с членом-корреспондентом РАН В.С. Репиным «Проблемы цивилизации и варварства в свете междисциплинарного диалога философии и биологии», опубликованном в журнале «Вопросы философии» (2010. № 11). Известный специалист в области генетики, В.С. Репин утверждает следующее: «...основной каталог 35 000 генов человека от палеолита до наших дней подвергался минимальным изменениям (за исключением возникновения гена FoxA2, ответственного за развитие речи). “Новодел” генов не является главной стратегией фило-генеза человека... Эволюция вообще, социальное развитие в частности и особенности, не объяснимы с позиций генетического редукционизма (изменчивости генов). Ни одна мутация не выводит особь за пределы видовой морфо-принадлежности или видového онтогенеза». Таким образом, на протяжении всей своей истории род *homo sapiens* был предрасположен к продуктивной деятельности по созданию цивилизации как формы надбиологического существования, и к деструкции, а следовательно, ведущими побудительными причинами становления человечности были скорее не биологические, а социальные регулятивы. Когда социальные регулятивы утрачивают или значительно ослабляют свое действие, в человеке могут «проснуться» животные атавизмы, а поэтому сам человек должен заранее предотвращать эту инволюцию. Как говорит в этом диалоге Н.В. Мотрошилова, «неизбежность подобных рецидивов человечеству, всем странам надо иметь в виду и загода быть к ним готовыми, для чего нужны интернациональные “силы быстрого реагирования”, и не только физического воздействия, но и интеллектуального предвидения».

Вопрос об онтологических основаниях человеческой деструктивности, а в еще большей степени об основаниях уникальной способности человека, наоборот, преодолевать свое животное состояние и руководствоваться надбиологическими регулятивами, — один из самых сложных и «предельных» в истории науки и философии. Он практически приближается к коренным проблемам человеческого бытия. Как сказала сама Нелли Васильевна, «вот это и есть вопрос всех вопросов!». Это произошло на встрече молодежного интеллектуального клуба «Катехон» в Институте философии РАН, посвященной обсуждению этой книги и состоявшейся в марте 2010 г. Книга с названием «Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов» не могла не заинтересовать постоянных участников этого клуба, ориентированного на проблематику русской религиозной философии. Достаточно сказать, что само понятие «катехон» (от греч. «κατήχων»), восходящее к одному энигматическому фрагменту из Посланий апостола Павла (2 Фес. 2:7), буквально переводится как «удерживающий» и означает некую земную силу, которая не дает миру впасть в апокалипсический хаос, называемый «аномией», т.е. беззаконием. Интересно обратить внимание на то, что хорошо знакомый в богословском контексте термин «аномия» был впоследствии введен в социологию Э. Дюркгеймом (как «патология общества») и Р.К. Мертоном (как «кон-

фликт норм в культуре»). Таким образом, новозаветная оппозиция «катехона» и «аномии», при всем разнообразии патристических толкований этих терминов, во многом сходна с оппозицией цивилизации и варварства. С христианской точки зрения, в грехопадшем мире любой человек от рождения нуждается в воспитании и образовании, и для христианина невозможно никакое оправдание варварства и одичания, свойственное определенным секулярным теориям. Кроме того, на сегодняшний день в ведущих христианских конфессиях существует общее понимание того, что перед вызовом постмодернистского релятивизма, с одной стороны, и экспансии экстремистских идеологий и оккультных сект, — с другой, традиционное христианство имеет несравнимо больше общих интересов и ценностей с классическим европейским рационализмом, чем это казалось раньше. К числу таких общих интересов, прежде всего, относится само представление о существовании безусловных универсальных ценностей; представление о фундаментальной ценности человеческой личности, сущностными свойствами которой являются сознательность, ответственность и свобода воли; а также представление о единстве человеческого рода и его истории; о том, что человечество имеет общую историческую цель и каждый человек должен жить не для себя, а для других людей. В эпоху советской власти принято было акцентировать противоречия между христианством и новоевропейским секулярным мировоззрением, сегодня же от их продуктивного диалога зависит судьба европейской цивилизации. В своем исследовании Н.В. Мотрошилова точно замечает: «...на долю европейской философии объективно выпала задача активного участия в консолидации стран европейского континента, в выработке общеевропейских (чаще всего христианских) ценностей» (С. 246).

На встречу с Н.В. Мотрошиловой пришли студенты, аспиранты и выпускники московских гуманитарных вузов, прежде всего, философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), где Нелли Васильевна читает курс истории немецкой классической философии. После доклада, посвященного основной теме этой книги, Нелли Васильевна отвечала на множество вопросов, от самого общего, общефилософского содержания до сугубо актуальных, касающихся повседневной жизни нашего времени. Подобные встречи крайне важны в педагогическом процессе, поскольку сегодня, несмотря на немалые возможности, преподаватели и учащиеся философских факультетов, как правило, совершенно отделены друг от друга, прежде всего, стеной поколенческого непонимания и известной атомизацией общества. Сейчас, увы, уже нет той общей вузовской жизни, какую можно было наблюдать даже в начале 90-х годов. Особенно необходим этот диалог преподавателей и студентов в творческих вузах, к каковым однозначно можно отнести и философские факультеты, куда поступают для того, чтобы размышлять и общаться на предельные темы человеческого бытия.

Было задано немало вопросов; присутствующие молодые коллеги выразили свои сомнения и свои суждения. Содержание этого обсуждения, как предполагается, будет отражено в одном из будущих номеров «Вестника МГУ» (Серия 7. Философия).

В заключении своего исследования профессор Мотрошилова с тревогой говорит о характерной черте «социального разума», действующего в современной общественной, в частности, политической жизни: «...пороком современной цивилизации является коренное отставание социального познания и мышления — и даже непонимание этого факта, отсутствие всякой заботы об адекватном развитии социального разума... Ибо можно констатировать: из всего корпуса действительных открытий, беспокойств и предостережений теоретического и эмпирического социального знания даже в предкризисные и кризисные времена берется лишь очень малая его толика. Берется только то, что непосредственно доступно и, главное, удобно, выгодно тем или иным индивидам, группам, кругам, которым в данный исторический момент удастся “оседлать” социальное развитие, задать ему особые направления, траектории, ритмы и темпы» (С. 462). С нашей точки зрения, реальная ситуация в большой политике, — во всяком случае в современной России, еще хуже: из достижений социальной науки, не говоря уже о «чистой» философии, не берется вообще ничего. Мир власти и мир мысли сегодня не мешают, но и никак не помогают друг другу, существуя как бы в параллельных мирах. Если в советское время власть «интересовалась» словом, сказанным мыслителями, и особенно неугодными, и это слово могло стоить им жизни, то сегодня все слова обесценены; равнодушие властей предрержащих к социальной мысли исторически беспрецедентно. Само по себе это равнодушие уже является одним из проявлений варварства, поскольку за ним кроется столь же холодное равнодушие к интеллектуальной культуре в целом, воспринимаемой как поле бессмысленной игры. Размышление на эту горькую тему опять приводит нас к «вопросу всех вопросов», на который философы хотя бы пытаются ответить, политики же им, как правило, не задаются, — не нависла ли над человеческой цивилизацией смертельная угроза?